

ВАЛЕРИЙ СОРОКИН

ИЗ ДОБРОЙ БАЛТИИ
да под её арест

Москва 2013

ББК 84(2РОС=РУС)6-5

С65

Сорокин, В. В.

С65 Из доброй Балтии да под её арест [Текст] /

Валерий Сорокин. — М.: ООО «АИР», 2013. — 440 с.

ISBN 978-5-9904222-9-2

Впервые посетив страны Прибалтики в восемнадцатилетнем возрасте, автор путешествовал по ним в продолжение последующих 33 лет, побывав у балтийских берегов в общей сложности двенадцать раз. Впечатления, накопившиеся за треть века, охватывают разные стороны истории, культуры, спорта, гастрономических пристрастий и других аспектов жизни этих небольших стран, а также меняющееся отношение местных жителей к всевозможного рода пришельцам, в том числе и из России. Материал книги изложен простым языком в доступной и увлекательной для читателя форме.

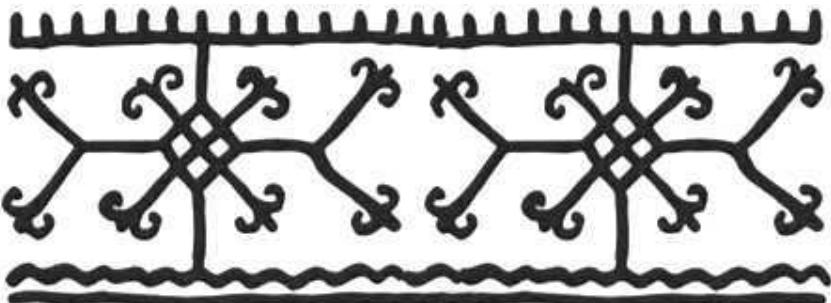
ББК 84(2РОС=РУС)6-5

© В.В. Сорокин, 2013

© ООО «АИР», 2013

© С.С Згода, оформление, 2013

ISBN 978-5-9904222-9-2

МОЯ В ЮНОСТИ ВСТРЕЧА С ПРИБАЛТИКОЙ

События, которые описываются в этой книге, уходят своим началом уже в более чем полувековую историю. До восемнадцатилетнего возраста мне всего четыре раза приходилось выезжать из дому, то бишь, из Москвы, на поездах дальнего следования. Причем трижды – с родителями на черноморское побережье Кавказа во время их отпуска (и моих каникул, соответственно), а однажды – в семнадцатилетнем возрасте – в город Саратов, где я, в составе московской команды, принимал участие во всесоюзном первенстве спортивного общества «Буревестник» по академической гребле. Каждая из этих поездок носила свой неповторимый колорит и свои особенности.

Так, в 1955 году, я попал в южный кавказский город – Анапу. Сейчас – это крупный курорт, а тогда значительная часть города носила на себе отпечаток закончившейся всего десять лет назад жестокой войны. Было много зданий с пустыми глазницами вместо окон, а на берегу в южной части города, тянулась длинная цепь

Моя в юности встреча с Прибалтикой

разрушенных военных береговых укреплений. И меня, одиннадцатилетнего мальчишку, как-то весьма мало волновало море и морские купания, а было в высшей степени интересно полазить по этим самым укреплениям с валявшимися тут и там останками различных орудий и прочей военной техники.

Следующий – 1956 - год мы с мамой проводили в августе в предместье Сочи – Дагомысе. Сейчас – это курортный центр, а тогда был небольшой посёлок с одноэтажной застройкой. Ходить там, кроме моря было некуда, но мы периодически выезжали в Сочи на катере, а оттуда даже один раз проплыли на большом, шестипалубном дизельэлектроходе «Россия» до Сухуми. Судно это было конфисковано после войны у фашистской Германии в качестве reparations за причиненный нашей стране ущерб. Весь путь занял часа четыре, и я посвятил его лазанию по многочисленным трапам и палубам, а также купанию в судовом бассейне, вода в котором колыхалась в такт колыханию судна по черноморским волнам. Обратно из Сухуми возвращались уже на ночном поезде. Сочи того времени запомнился еще и тем, что прилавки в продовольственных магазинах центра города были завалены консервированными крабами. Баночки с ними были трех разных размеров и стоили 6, 8 и 12 рублей соответственно (примерно 60,80 и 120 рублей на нынешние деньги).

Третье приморское путешествие, и последнее с собственными родителями, я совершил как раз после окончания школы и неприступления к занятиям в московском мясомолочном институте, куда я выдержан

замены на отделение автоматики и телемеханики. Желания учиться там у меня вообще не было, но надо было, следуя общим тенденциям для выпускников десятилетки, куда-то сдавать экзамены. Поэтому выбрал то, что находились недалеко от дома – минут двадцать ходьбы.

Правда, родители о моей сдаче были не в курсе. Они знали, что я серьёзно занимаюсь академической греблей и готовлюсь к участию в чемпионате Советского Союза среди юношеской, а посему не очень озабочивали себя размышлениями о моем дальнейшем учебно-трудовом пути, считая, что, на худой конец, существуют и профтехучилища (ПТУ), и просто производственное ученичество, и что я, при любом раскладе, не останусь не при деле. А чемпионат Союза мы (я и три моих друга) выиграли, получив за сие подвижничество золотые медали чемпионов и золотые часы. И проходил тот чемпионат в городе Калинине (ныне Твери) на реке Волге 19 – 20 августа 1961 года. Выступали же мы на лодке класса «четверки парные с рулевым», и лодка наша носила имя «Анаконда», поскольку всем спортивным академическим судам присваивались определенные имена.

Вернувшись с соревнований, я был включен в состав семейного трио для участия в поездке в абхазский город Гудаута. Там родители посвящали львиную долю своего времени купанию в теплых морских водах. А я, слегка искупавшись, устраивался где-нибудь в тени, углубившись в изучение учебника польского языка, и за месяц весьма значительно в нем продвинулся. А по приезде в Москву мог уже вполне свободно читать и понимать польские журналы и газеты, которые я постоянно

приобретал в единственном (продающим прессу зарубежных стран) такого рода киоске на Театральной площади (а тогда площади Свердлова). Кроме того, в доме, где мы снимали комнату, и хозяевами которого была абхазская семья, имелась восьмилетняя девочка-второклассница, которая добровольно стала давать мне уроки грузинского языка. Она поднималась после своих школьных занятий по лестнице ко мне на второй этаж и с увлечением принималась за моё обучение. Занятия строились таким образом, что я спрашивал, как будет звучать по-грузински то или иное слово. Она произносила, а я старался повторять. И моя малая способность воспроизводить грузинские гортанные звуки приводила её в бурный восторг, и часто она разражалась неудержимым хохотом. Дальше отдельных слов у нас дело в целом не шло, но она еще учila меня писать грузинские буквы, имеющие причудливые очертания и казавшиеся мне тогда настоящими иероглифами. Занимались мы примерно по часу почти ежедневно. На сём обучение моё грузинскому языку застыло на долгий срок, и я, уже на более серьёзном уровне, будучи дипломированным лингвистом, вернулся к нему в восьмидесятые годы.

В том же году в разгар лета, как я уже выше упоминал, в составе нашего московского клуба мы выезжали в Саратов, на Волгу, где оспаривали первенство всесоюзного общества «Буревестник». В Саратове мы выиграли довольно легко и в качестве призов получили складные будильники - редкость в те времена. Запомнился этот город того времени не в лучших тонах: антисанитарией: в ряде предприятий общепита блюда нередко были усы-

паны мириадами мух. Даже сразу после приезда, зайдя в привокзальный ресторан, мы обманулись, посчитав за тарелки с черной икрой те тарелки, в которых были уложены салаты, над которыми, в свою очередь, располагался плотный черный слой мух. А насчет черной икры мы были уверены, что, если уж в Москве её было достаточно, то на Волге она должна быть еще и дешевой. Стоимость её в Москве тогда составляла 11 рублей за килограмм паюсной, и 19 рублей – за килограмм зернистой икры (сейчас это было бы примерно 1100 и 1900 рублей).

В Саратове тогда процветали хулиганство и бандитизм. Во многих трамваях были выбиты стекла, а образовавшиеся проёмы были заколочены фанерой. Сказывали нам, что незадолго до нашего приезда саратовские бандиты повесили, якобы, начальника местной милиции на высоковольтной мачте вниз головой. Нам сразу же было сказано, чтобы мы не выходили с территории спортивной базы в составе меньшим, чем шесть человек, что мы и делали, благо непосредственно наша команда и состояла из шести человек: четыре основных гребца, рулевой и запасной. Запомнился Саратов еще и тем, что в нем мы (участники нашей четверки) решили переплыть Волгу в самом широком месте. А это – около трех километров. Правда, обратно, пришлось возвращаться по большому мосту, соединяющему Саратов с городом Энгельсом. Выигрыш в Саратове открыл нам путь к участию в чемпионате Советского Союза в Калинине (нынешней Твери).

Туда мы отправились 9 августа околополуденным пригородным поездом. Рано утром я еще успел сдать

экзамен по английскому языку в Мясомолочном институте с отличной оценкой. Да я, собственно, и отвечал без подготовки (мой уровень владения языком такое позволял), после чего устремился на вокзал. Для сдачи экзамена по физике мне пришлось уехать из Калинина в Москву в воскресенье (13 августа) вечером, а к вечерней тренировке в понедельник уже сидеть на своем первом (носовом) номере в лодке. Экзамен был сдан на «тройку», а в целом получилось 23 балла из 25. И, будучи зачисленным в вуз, я почему-то решил туда не ходить (последующая жизнь доказала правильность такого решения), и через месяц на моё имя из института пришла бандероль с документами и сообщением, что я отчислен, как лицо, не приступившее к занятиям в течение десяти дней с начала учебного года.

В Калинине мы пробыли с 9 до 21 августа. Для участников чемпионата на берегу Волги были установлены армейские палатки, в которых мы хранили весла и другой инвентарь, а также переодевались. В нашу палатку была также распределена и команда «Динамо», в составе которой была девичья четверка парная из эстонского города Пярну. Мы быстро подружились с этими стройными и статными девушками, говорящими по-русски с приятным, певучим прибалтийским акцентом. А я и загребной нашей четверки – Валька Якобсон (этнический эстонец) стали брат у девушек «летучие» уроки эстонского языка. Особенно старалась в нашем лингвистическом просвещении загребная прибалтийской команды по имени Майре. И мы быстро усвоили, что ударения в эстонском падают на первый слог, что «здравствуй» бу-

дет «*тере*», «до свидания» - «*хеад аега*», «спасибо» - «*тянан*», «пожалуйста» - «*палун*», «извините» - «*вабандаге*», «Как дела?» - «*Күйдас кяси кяиб?*», «я согласен» - «*олен ныус*», «да» - «*я*», «нет» - «*эй*», «может быть» - «*выйболла*», «не могу» - «*эй саа*», «не надо» - «*эй оле тарвис*». Когда мы общались с этими девушками, то старались с Валентином употреблять свежезаученные эстонские слова и фразы.

Девушки много рассказывали и о своем родном городе Пярну, чем и нас воодушевили на его посещение. К тому же, когда в городском театре юного зрителя проходила торжественная церемония награждения победителей (а эстонки из Пярну, так же, как и мы, были там удостоены золотых медалей), было объявлено, что чемпионат Советского Союза в следующем – 1962 году – пройдет именно в Пярну.

Отдельно надо сказать об организации чемпионата. Все прошло безупречно, но и для горожан эти соревнования были чем-то вроде праздника. В первый день соревнований участники были собраны на парад открытия на городском стадионе «Химик», а потом с вёслами в руках прошли по центральной улице к месту проведения стартов. Улицы были заполнены празднично-созерцающей публикой. И нам показалось, что народу как-то слишком много. Потом оказалось, что перед нашим шествием по улицам провели нескольких слонов, которых привезли для выступления в местном цирке, а до этого времени присутствия слонов в городе никогда не замечалось, поэтому для горожан слоны были в диковинку, ну, а посмотрев на их шествие, люди остались заодно поглазеть на стройных бронзово-загорелых гребцов.

По возвращении в Москву уже по осени мы с Валентином Якобсоном даже стали посещать Ленинскую библиотеку, где пытались более углубленно знакомиться с эстонским языком. Но грамматика эстонского показалась нам тогда слишком трудной: одних только падежей имелось аж четырнадцать. А у Валентина дома оказался военный эстонско-русский разговорник, поэтому мы стали просто – напросто пытаться заучивать кое-какие выражения оттуда, как, например: «руки вверх» - «*юлес*» или команда «ложись» - «*хейда тикиали*» и т.д. Кроме того, занимаясь в Леннике, мы брали книги, посвященные городам, как Эстонии, так и других прибалтийских республик. Но в голове у нас засела идея фикс: в любом случае, выиграем мы чемпионат Москвы или не выиграем (а только победа в нем давала право на участие в чемпионате страны в Пярну в следующем году), мы вдвоем (а может, и всей своей четверкой) едем в Пярну.

В следующие полгода времени для изучения языка и прибалтийской страноведческой литературы у нас было в обрез. Мы оба с Валентином впервые приступили к трудовой деятельности на разных, но находящихся по соседству, военно-закрытых предприятиях, именуемых «почтовыми ящиками», а также много тренировались для подготовки к очередному гребному сезону. Его начало и течение не предвещали ничего, чтобы шло вразрез с нашей целью: попасть на чемпионат Союза в Эстонии. Мы выигрывали в Москве гонку за гонкой. В начале лета, проработав по полгода в своих «закрытых» конторах, уволились, чтобы иметь больше времени на спортивную подготовку. Ну, а я еще собирался в очередной раз об-